
ИЗУЧЕНИЕ ИМПЕРИИ: ОТ ОПРЕДЕЛЕНИЯ И КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ МОДЕЛЕЙ К ВЫЯВЛЕНИЮ ПАРАДИГМЫ

В.В. Шишков

Кафедра государственной службы и кадровой политики
Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
проспект Вернадского, 82, Москва, Россия, 119571

В статье рассматривается происхождение и определения термина «империя», анализируются концептуальные модели империи, сложившиеся в современной политической науке. Обосновывается категория «парадигма империи», раскрывается ее значение.

Ключевые слова: империя, парадигма империи, концептуальные модели империи, центр и периферия, экспансия.

Исследование феномена империи с необходимостью исходит из объективности его существования как предельной политической формы.

На протяжении истории человечества возникали великие державы, консолидирующие политическую, военную и экономическую мощь, использующие ее для укрепления и расширения своей власти, господства над покоренными народами и территориями. Такие державы, как правило, определяются термином «империя». Термин «империя» происходит из латинского языка, словом *imperium* называлась высшая власть в государстве, принадлежащая одному народу, проявлявшему ее в законодательстве, верховном суде, в решении вопроса о войне и мире (См.: [17]).

На закате Средневековья и в начале эпохи Возрождения наблюдаются попытки категориального осмысления понятия империи, предпринятые Данте Алигьери, Уильямом Оккамом и Марсилием Падуанским.

Империя мыслится как всемирная монархия. На первый план выступает не теократический, сакральный элемент, а ее антропологический фундамент: единый человеческий род, имеющий собственные цели, задающий смысл существования самого монарха [4. С. 7—8].

Первые попытки определения понятия «империя» были предприняты еще в эпоху Просвещения. Первым, кто подошел к исследованию империй с точки зрения политической науки, был французский ученый Ш.Л. Монтескье. Проблемы империй занимают большое место в его труде «О духе законов», который известен благодаря обоснованию в нем принципа географического детерминизма и теории разделения властей.

Хотя в самом труде не содержится определения «империи», тем не менее, в ходе анализа истории политико-территориальных организаций Ш.Л. Монтескье указывает на значимые для его детерминистского подхода черты империи. Во-первых, большие территориальные размеры и подчинение многих народов; во-вто-

рых, это деспотизм, «обширные размеры империи — предпосылка для деспотического управления» [18. С. 266]; в-третьих, трудность сохранения территориальной целостности из-за больших размеров и деспотического правления. Изыскания, предпринятые Ш.Л. Монтескье, хотя и не повлекли за собой строгое определение понятия «империя», все же позволили сориентироваться в поиске его значения.

В начале XIX в. Г.В.Ф. Гегель, философски осмысляя историю, пишет об империях как о государствах, состоявших «из множества государств, которые хотя и находились в зависимости, но все-таки сохраняли свою индивидуальность, свои обычаи и права. Те всеобщие законы, которым они подчинялись, нисколько не нарушали их особых порядков, но даже защищали и охраняли их, и таким образом у каждого из этих народов, составлявших целое, существовала особая форма государственного устройства» [6. С. 176].

Наиболее комплексное, синдромное (по определению С.И. Каспэ) современное определение «империи» принадлежит Ш.Н. Айзенштадту: «Термин „империя“ обычно используется для обозначения политической системы, охватывающей большие, относительно сильно централизованные территории, в которых центр, воплощенный как в личности императора, так и в центральных политических институтах, образовывал автономную единицу. Далее, хотя империи обычно основывались на традиционной легитимации, они часто использовали некоторые более широкие, потенциально универсальные политические и культурные ориентации, выходявшие за пределы того, что было свойственно любой из составляющих империи частей» [30. Р. 141].

В современной политической науке интерес к империи стал нарастать с 80-х гг. XX в. и сохраняется до сих пор, что связано с кризисом и распадом Советского Союза, стремлением США к глобальному доминированию, возрастанием политических амбиций ведущих современных государств (Китай) и их объединений (Европейский Союз). Исследования феномена империи формируют методологическую базу для его понимания и определения.

В рамках политологического понимания империи следует выделить несколько концептуальных моделей империи.

1. Пространственно-экспансионистская (геополитическая) модель, которая концентрируется на пространственном масштабе империи по сравнению с другими политико-территориальными образованиями.

Например, К. Фрумкин полагает, что большое относительно других пространство ассоциируется с идеей силы, могущества.

Применительно к империи большая территория есть, во-первых, результат экспансии, и, следовательно, постоянно наличествующее доказательство могущества. Во-вторых, это средство к приращению могущества: дополнительное пространство — источник новых ресурсов (природных, демографических), новых выгод от географического положения и т.п. В-третьих, пространство есть поле для проявления растущих сил государства в будущем, необходимое условие их роста, т.е. с одной стороны — объект приложения могущества, с другой — материя, в которую это могущество воплотится. В-четвертых, по мнению К. Фрумкина, существует некая магия пространства как самодостаточной ценности [26. С. 76—78].

А.Ф. Филиппов отмечает, что «империя — это смысл (и реальность) большого и устойчивого политического пространства, длительно переносимый на смысл не-политических действий и коммуникаций». Также «то, что находится вне пределов империи, — это пространство для ее новых миссий, нечто такое, что еще предстоит завоевать, вовлечь в свою орбиту. Империя живет, пока есть представление об имперской миссии, направленной вовне» [24. С. 463; 25. С. 34].

2. Идеократическая модель империи.

Трактовка империи в качестве идеократии видна, например, у С.В. Лурье — «...представляется, что сравнительный подход к империологии должен начинаться со сравнения комплекса религиозно-государственных идей (который можно назвать центральным принципом империи), лежащего в основании всех внешних и внутренних проявлений имперской практики и практически во всех случаях сочетающего в себе культурный универсализм и политический изоляционизм» [15. С. 123].

По мнению И. Яковенко, империя структурируется религиозно переживаемой большой Идеей (конфессией или идеологией). Она преследует цель построить государство по законам обретенной истины и подчинить этой истине жизнь подданных. Всякий раз она созидает нового человека и решает цивилизационные задачи, несет свет истины на своих штыках до последних доступных ей пределов [28. С. 55].

К интерпретации империи в рамках идеократической модели склоняются современные исследователи А.А. Бычков, Э.И. Дамирчиев и С.В. Ткачев (См.: [4; 9; 23]).

К такому пониманию империи примыкают концепты имперского сознания О.Б. Подвинцева и имперской мифологемы П.Е. Бухаркина (См.: [20; 21; 3]).

3. Структурная модель, наиболее востребованная на современном этапе исследования имперскости, показывает империю через отношения центра и периферий.

С.И. Каспэ утверждает, что первым и ведущим признаком империи оказывается наличие в ней сверхмощного — как в институциональном, так и в ценностном отношении — макросоциального центра [12. С. 51].

М. Дойл определяет, что «империя — это система взаимодействия между двумя политическими сущностями, одна из которых — доминирующая метрополия (действующая верховная власть), которая осуществляет политический контроль над внутренней и внешней политикой другой — подвластной периферией». Империя предполагает эффективный контроль, формальный и неформальный, доминирующего общества [29. Р. 12, 30].

Данный аспект выделяет и А. Мотыль, в его понимании иерархически организованная полинациональная имперская политическая система подобна колесу без обода. Внутри этой системы элита ядра и созданное ею государство доминируют над периферийными элитами и обществами, выступая в роли посредников в их важнейших взаимодействиях и управляя ресурсными потоками от периферии к ядру и обратно [19. С. 13].

С. Бейкер добавляет, что империя может состоять либо: а) из подвластных территорий под эгидой отдельного правителя, причем ни одна из этих территорий

не обладает контролем над другими (империи Романовых и Габсбургов), либо б) из государства-метрополии с территориями, ему подчиненными (европейские колониальные империи) [1. С. 69].

Для Р. Суни дискриминация и дифференциация между доминирующей и подчиненной частью населения государства, осуществляемые империей, выступают концептуальной основой для ее выделения в особый тип государственности [22. С. 164].

Империя как масштабная система чужеродного господства, указывает М. Бейссингер, отличается от других политических форм двумя свойствами: чувством чужеродной, иностранной природы власти; произвольным, волюнтаристским и корыстным ее применением [2. С. 369—370].

Наличие приведенных концептуальных моделей империи позволяет сосредоточить исследовательский потенциал на анализе тех или иных свойств феномена имперскости, но не исключает комплексного определения такого сложного феномена, преодолевающего их интерпритационные разногласия.

При исследовании развития и упадка имперских систем обращает на себя внимание несоответствие и напряжение между доступными средствами описания и интерпретации имперского опыта современниками, с одной стороны, и социально-политическими реалиями, с другой, что и составляет нерв имперской истории — как исторического процесса и способа научного осмысления [5. С. 9]. Исследование империй — это процесс познания, а в случае России и самопознания, предельности политического властвования, поэтому их изучение не может ограничиваться описанием лишь конкретных исторических явлений, необходима более глубокая концептуализация империи как политического феномена.

Изучение истории подъема, расцвета и упадка империй, рассмотрение подходов к определению «империи», анализ признаков имперских систем приводит к выводу о том, что они при своем создании и в развитии воспроизводят некий образец империи, следуют общему лекалу, который есть парадигма империи — общий их идеальный образ.

В основе имперской парадигмы можно видеть паттерн поведения, влекущий к мировому господству. Отечественный исследователь античности А.С. Шоффман указывает на то, что безумная и авантюристическая идея завоевания мира дразнила воображение завоевателей уже тогда, когда они едва ли в точности знали, как велик мир [27. С. 15]. По всей видимости, с глубокой древности в человеке стремление к власти может гипертрофироваться до бесконечности.

Значение имперской парадигмы в истории не исчерпывается стремлением установления вселенской власти ради воплощения идей космополитизма, справедливости и других.

Преобладающей тенденцией последних тринадцати тысяч лет развития человеческого общества является смена более мелких и простых формаций более крупными и сложными. Очевидно, это лишь усредненный долгосрочный вектор, не отменяющий бесчисленных отклонений от него [8. С. 425].

На протяжении этих тысячелетий империи были основной формой объединения человеческих сообществ под единой политической властью, консолидирующей и направляющей их усилия на упорядочение социальной реальности.

Парадигма империи в данном аспекте выражается в объединении как можно большего числа народов и территорий под своей властью, которая могла принимать разнообразные формы от прямого подчинения до формального провозглашения и признания политической зависимости.

Следуя в этом направлении, империи выбирали экстенсивный путь политического и хозяйственного развития, что выражалось в экспансионизме, прекращающемся лишь тогда, когда они впадали в кризис, отмечающий начало их падения.

Основу имперской власти составляла военная и экономическая мощь. Военский набор для самых известных походов древности, сбор налогов для поддержания великих империй, создание городов, храмов, дворцов — все это совершенно напрямую определялось тем, сколько людей проживало в той или иной стране и сколько ресурсов от них можно было получить [10. С. 9].

Претензии на мировое господство определяли стремление империи ко все большему наращиванию своего ресурсного потенциала, трате его на новые завоевания, покорение новых территорий. Потом снова черпались ресурсы на поддержание и расширение имперской системы, и эти процессы происходили вновь и вновь до тех пор, пока на поддержание системы не требовалось больше сил, средств, чем она могла дать, несмотря на все усилия имперской бюрократии. Империя тем самым превращается в самоцель не только в идеологическом смысле, но и вполне материальном плане.

В истории все империи возникают схожим образом как реализация человеческих амбиций на неограниченное господство. Их последующая институционализация в имперской системе, требующей для своего поддержания все больших ресурсов, оправдывается великой имперской идеей. Империя — весьма ресурсно-затратная форма политического господства, и постоянная нехватка ресурсов требовала все большего контроля. В Византийской империи центральная власть стремилась контролировать экономику вплоть до установления цен на различные товары [31. Р. 81—83].

Политический идеал империи можно понимать как «мир, который стремится к всеобщности, но не достигает ее, а обнаруживает имманентно непреодолимые пределы таковой. В тоже время имперский мир переживает свою ограниченную универсальность как закрытую тотальность — отсюда навязчивые образы „чужих“, „варваров“ [16. С. 79]. Образование империй в истории — это реализация возможностей приближения к всеобщему идеалу. Возможностей заранее ограниченных и несовершенных.

Г.В.Ф. Гегель, рассматривая в «Философии истории» конечную цель мира и средства ее осуществления, пишет о возможностях, меняющих ход истории, которые имеют такое «содержание, которое также может казаться хорошим, в общем полезным, существенным и необходимым. Теперь эти возможности становятся историческими; они заключают в себе некоторое всеобщее иного рода, чем то всеобщее, которое составляет основу в существовании народа или государства. Это всеобщее является моментом творческой идеи, моментом стремящейся к себе самой и вызывающей движение истины» [6. С. 28—29]. И приводит примеры Александра, Цезаря и Наполеона — деятелей, с которыми связывается создание империй.

Империя в своей универсальности снимает негативность политического до-имперского хаоса и являет материальное воплощение упорядоченной политики и социальности — устойчивое существование нравственного царства [7. С. 246]. Гегелевская «Феноменология духа», по мнению А.В. Кожева, имеет подтекст — концепцию наполеоновской империи как «конца истории» [13. С. 195—197]. В плане всеобщности, универсальности и конечности политического бытия политический идеал империи составляет сущность ее парадигмы.

В системе универсалий культуры можно выделить два основных блока. Первый из них образуют категории, в которых фиксируются наиболее общие характеристики объектов, преобразуемых в деятельности. Второй блок универсалий культуры составляют категории, характеризующие человека как субъекта детальности, структуры его общения, его отношений к другим людям и обществу в целом, к целям и ценностям социальной жизни.

Примерами таких категорий могут выступать «человек», «общество», «свобода» и т.д. К такому блоку универсалий культуры может быть отнесена категория «империя».

В семантическом плане «империя» примыкает к понятию «власть» как способность (возможность) повелевать, владение (обладание) чем-либо, могущество, господство, сила [14. С. 98, 265]. Для Б. де Жувенеля *Imperium* есть конкретная Власть [11. С. 338]. В империи власть обретает предельное выражение.

Категория «империя» многократно находила свое воплощение в практической деятельности исторических личностей и различных сообществ, вплетающих в полотно истории свое стремление к безграничной власти. Через историческую практику создания и деятельности имперских систем развивалась, усложнялась сама категория «империя». Благодаря многократным повторениям парадигма империи приобретает социально-политическую значимость. В философском аспекте парадигма империи фиксирует в наиболее общей форме исторически накапливаемый опыт имперского проектирования и его реализации, формирования империй как особого типа проекции власти на пространство, включения индивидов, их общностей в систему имперских отношений и взаимодействий.

Имперский проект предлагается к реализации различным народам, в разных регионах на протяжении истории человечества множество раз. При этом почти во всех случаях он несет в себе политический идеал властвования — парадигму империи.

Парадигма империи — это всеобщность, универсальность и конечность политического бытия, «конец истории» в политическом идеале империи, выражающаяся через: во-первых, образец установления господства ради удовлетворения амбиций властителей, пользующихся стечением исторических обстоятельств для увеличения своего могущества; во-вторых, порядок объединения человеческих сообществ под единой политической властью, многократно повторяющийся опыт в истории во все больших масштабах; в-третьих, последовательность развития и упадка империи, подчиненную закономерности исчерпания ресурсов для поддержания все разрастающейся системы.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Бейкер С.* Россия и концепт империи // Новая имперская история постсоветского пространства: Сборник статей (Библиотека журнала «Ab Imperio») / Под ред. И.В. Герасимова, С.В. Глебова, Л.П. Каплуновского, М.Б. Могильнер, Л.М. Семенова. — Казань: Центр исследований национализма и империи, 2004.
- [2] *Бейссингер М.* Феномен воспроизводства империи в Евразии // Мифы и заблуждения в изучении империи и национализма. — М.: Новое издательство, 2010.
- [3] *Бухаркин П.Е.* Образ «другого» в русской культуре и мифологема Империи // Вече. — 1995. — Вып. 4.
- [4] *Бычков А.А.* Обоснование и кризис имперской идеи в XIV веке: Данте Алигьери, Уильям Оккам и Марсилиус Падуанский: Автореф. дисс. ... канд. полит. наук. — М., 2008.
- [5] Возможен ли конструктивистский подход к истории империй // Изобретение империи: языки и практики. — М.: Новое издательство, 2011.
- [6] *Гегель Г.В.Ф.* Философия истории // Сочинения в 14 т. — Т. 8. — М.; Л., 1935.
- [7] *Гегель Г.В.Ф.* Феноменология духа // Сочинения в 14 т. — Т. 4. — М., 1959.
- [8] *Даймонд Д.* Ружья, микробы и сталь: Судьбы человеческих обществ. — М., 2010.
- [9] *Дамирчиев Э.И.* Империя как политический феномен: теоретико-методологические аспекты исследования: Автореф. дисс. ... канд. полит. наук. — М.: МГУ, 2010.
- [10] *Дерлугьян Г.* Большая история / МакНил У. В погоне за мощью. Технология, вооруженная сила и общество в XI—XX веках. — М.: Издательский дом «Территория будущего», 2008.
- [11] *Жувенель Б. де.* Власть: Естественная теория ее возрастания. — М.: ИРИСЭН, Мысль, 2011.
- [12] *Кастэ С.И.* Центры и иерархии: пространственные метафоры власти и западная политическая форма. — М.: Московская школа политических исследований, 2007.
- [13] *Кожев А.В.* Введение в чтение Гегеля. — СПб.: Наука, 2003.
- [14] *Ледаев В.Г.* Власть: концептуальный анализ. — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2001.
- [15] *Лурье В.* От древнего Рима до России XX века: преемственность имперской традиции // Общественные науки и современность. — 1997. — № 4.
- [16] *Магун А.В.* Империализация: понятие империи и современный мир // Полис. — 2007. — № 2.
- [17] Малый энциклопедический словарь: В 4 т. / Репринтное воспроизведение издания Брокгауза-Ефрона. — Т. 2. — М.: Terra-Книжный клуб, 1997.
- [18] *Монтескье Ш.* О духе законов // Монтескье Ш. Избранные произведения. — М.: Государственное издательство политической литературы, 1955.
- [19] *Мотыль А.* Пути империй. Упадок, крах и возрождение имперских государств. — М.: Московская школа политических исследований, 2004.
- [20] *Подвицнев О.Б.* Распад империй нового времени: общее и особенное // Вторые Петербургские Кареевские чтения по новистике. — СПб.: СПб ун-т, 1999.
- [21] *Подвицнев О.Б.* Постимперская адаптация консервативного сознания: благоприятствующие факторы // Полис. — 2001. — № 3.
- [22] *Суни Р.* Диалектика империи: Россия и Советский Союз // Новая имперская история постсоветского пространства: Сборник статей (Библиотека журнала «Ab Imperio») / Под ред. И.В. Герасимова, С.В. Глебова, Л.П. Каплуновского, М.Б. Могильнер, Л.М. Семёнова. — Казань: Центр Исследований Национализма и Империи, 2004.
- [23] *Ткачев С.В.* Империя как современная политика: Автореф. дисс. ... канд. полит. наук. — Владивосток, 2005.
- [24] *Филитов А.Ф.* Смысл империи: к социологии политического пространства // Иное. Хрестоматия нового российского самосознания / Под ред. С. Чернышева. — Т. 3. — М.: Аргус, 1995.

- [25] *Филиппов А.Ф.* Империя живет, пока есть представление об имперской миссии // *Политический журнал*. — 2005. — № 24 (75).
- [26] *Фрумкин К.Г.* Пространственная эстетика империй // *Свободная мысль* — XXI. — 2002. — № 9.
- [27] *Шофман А.С.* Распад империи Александра Македонского. — Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1984.
- [28] *Яковенко И.* Империя и нация // *После империи / Под общ. ред. А.М. Клямкина*. — М.: Фонд «Либеральная миссия», 2007.
- [29] *Doyle M.W.* Empires. — Ithaca: Cornell University Press, 1986.
- [30] *Eisenstadt S.N.* Empires // *International Encyclopedia of the Social Sciences*. — Vol. V / Ed. D. Sills. — N.Y.: Macmillan Publishing Co. and Free Press, 1968.
- [31] *Runciman S.* Byzantine Civilization. — London: Taylor & Francis, 1975.

THE STUDY OF EMPIRE: FROM THE DEFINITIONS AND CONCEPTUAL MODELS TO IDENTIFICATION OF PARADIGM

V.V. Shishkov

The Department of public service and personnel policy
Russian Academy of National Economy and State Service
under The President of The Russian Federation
Vernadsky Avenue, 82, Moscow, Russia, 119571

The article examines the origin and definition of the term “Empire”, analyses the conceptual model of the Empire established in the modern political science. The author justifies the category of “the paradigm of the Empire”, disclosed its value.

Key words: Empire, the paradigm of the Empire, the conceptual model of the Empire, center and periphery, the expansion.